

дома от эков караулит, не дает растаскивать. Вот этот-то Шкуропатенко их скорей всего на открытом *прозоре* и подловит» («Один день Ивана Денисовича»). В последнем случае слово помещено уже в «тюремно-лагерный» контекст, оно воспринимается в своей полноте, находясь в одном ряду с «*надзором*», «*досмотром*», «*вертухаем*», «*вышкой*», «*шмоном*», «*карцером*»» (2, С. 37).

Обращает на себя внимание и сходное употребление у Замятина и Солженицына слов со значениями «покоя, неподвижности, оцепенения», «апатии, бездействия, застоя». «Только каждый из писателей находит свою оболочку для выражения авторской мысли: «Так камень бултыхнет в водяную *дремь*, все взбаламутит, круги: вот разбежались – только легкие морщины, как по углам глаз от улыбки – и снова гладь» (Е. Замятин, «Русь») – «Тут трагически сказалась та черта русско-украинского характера (не различая, кого из громил кем считать), что в минуты гнева мы отдаемся слепому порыву «раззудись плечо», не различая правых и виноватых, а после приступа этого гнева и погрома – не имеем способности вести терпеливую, методическую, многолетнюю деятельность к исправлению бед. В этом внезапном разгуле дикой мстящей силы после долгой *дремли* – на самом деле духовная беспомощность наших обоих народов» (А. Солженицын, «Двести лет вместе (1795-1995). Часть I»). При этом в словаре В. И. Даля наряду с множеством зафиксированных словоформ (*дрема, дремота, дремы, дремание, дремка, дремалка, дремуша, дремливость, дремуха, дрем*) нет ни замятинской «*дремь*», ни солженицынской «*дремли*»» (2, С. 37).

Солженицын, обращаясь в «Литературной коллекции» к фигуре Ивана Шмелева, подчеркивал ее значимость для русской истории и культуры. Отмечал он и его общественную деятельность в до- и послереволюционный период, и мастерство писателя, в творчестве которого звучат исконно